

Сонъ на Черномъ морѣ ¹⁾.

Сонъ на морѣ, диво сонъ,
Одесса, Май и Коста:
Я пью и кольми паче онъ!
Не тостъ, а триста тостовъ!

Куточкинъ.

По обыкновенію, вставши рано утромъ, я поспѣшилъ на станцію Махинджаури, чтобы ѣхать на Чакву. Къ моему удивленію, вмѣсто поѣзда, подошелъ вагонъ электрическаго трамвая, куда вмѣстѣ со мною устремилось около десятка пассажировъ, гг. туристы-иностранцы. Не успѣлъ я сѣсть, какъ мы быстро помчались по направленію къ Зеленому мысу и, пролетѣвши чрезъ тунель, остановились передъ чѣмъ-то въ родѣ парадно-убраннаго вокзала. Я вышелъ вмѣстѣ съ остальными пассажирами, и передъ нашими глазами открылось невиданное ранѣ зрѣлище. Широкій, прекрасно шоссированный бульваръ былъ обсаженъ высокими пальмами. Это были пальмы различныхъ тропическихъ странъ. Пышная финиковая пальма Сенегала, стройныя и гибкія кокосовыя пальмы, видѣнныя мною только на фотографіяхъ городовъ южной Бразиліи, царственныя Oreodoxa чередовались правильно другъ съ другомъ, обрамляя бульваръ, превосходившій роскошью цвѣтниковъ всѣ пальмовыя аллеи Ривьеры. Онъ мнѣ напомнилъ то, что приходилось видѣть въ тропическихъ городахъ Мексики. Группы громаднхъ банановъ смѣнялись здѣсь съ усыпанными, какъ бѣлыми лиліями, цвѣтами древовиднаго дурмана (*Datura arborea*), огненно-красными коралловыми деревьями, невысокими, усыпанными цвѣтами цезальпаніями и олеандрами. Среди этихъ тропическихъ цвѣтниковъ громадными кустами возвышались причудливыя соланумы. Какъ на какомъ-нибудь базарѣ—въ родѣ тѣхъ, что устраиваются у насъ въ Петербургѣ на вербной недѣлѣ, была выставлена масса бездѣлокъ, или стояли лотки съ фруктами, при чемъ эти бездѣлки—эти фрукты были такъ разнообразны и красивы, что невольно разбѣгались глаза. Мнѣ невольно вспомнились японскія лавочки въ Нагасаки, въ которыхъ оставляютъ всѣ свои сбереженія,

¹⁾ «Южный Край», 1910, 14/х.

возвращающіеся моремъ въ Россію изъ Владивостока чиновники. Мнѣ вспомнилось то, что я видѣлъ на базарахъ въ городахъ Мексики, что тащили съ собою на палубы пароходовъ добровольнаго флота индѣйскіе торговцы во время остановокъ въ Коломбо—и съ изумленіемъ я увидѣлъ все это здѣсь, наваленное въ живописномъ безпорядкѣ или аккуратно разложенное на лоткахъ въ ожиданіи покупателя.

Sennor! grenadillas! mui benitas, остановила меня прелестная смуглая креолка съ черными, убранными красными гвоздиками волосами, въ костюмѣ, точно взятомъ на прокатъ изъ оперы Кармень. И она обратила мое вниманіе на лотокъ, на которомъ лежали груды этихъ на первый взглядъ похожихъ на небольшіе кабачки съ твердою оболочкою фруктовъ *Passiflora edulis*. Въ нихъ, точно завернутыя въ тонкую папиросную бумагу, лежали тающія во рту ароматичныя прохладительныя, какъ лучшій лимонадъ, зернышки со вкусомъ, съ которымъ я когда-то познакомился на базарѣ Закатекаса, и цвѣты которыхъ я потомъ видѣлъ на балконѣ покойнаго Татарина въ Сухумѣ. Рядомъ съ нами, какъ въ Santa Lucia, въ Неаполѣ, лежала горка изъ обладающихъ предательскими колючками плодовъ кактусовъ, вкусные клубни бататовъ и блюдечки душистыхъ, какъ лучшая земляника, мелкихъ плодовъ чилийской мирты, которыми меня угощаль нѣсколько дней назадъ на своей дачѣ сынъ Татарина. Здѣсь лежали также плоды адвокатъ — *Persea gratissima*, столь вкусные съ рюмкой хереса, и сладкіе печеные бананы, тающіе во рту, напоминающіе пирожки съ вареньемъ (плоды *Musa Cavendishi*), которыми меня когда-то угощали на Цейлонѣ. У прекрасной креолки были еще и другіе фрукты на ея лоткѣ, фрукты *Hovenia dulcis* и фейхоа, которыхъ я не видѣлъ въ моихъ путешествіяхъ — какія-то крупныя шишки, повидимому, съ араукарій, и различные орѣхи, но я не успѣлъ разсмотрѣть ея товара, какъ мой слухъ поразили рѣзкіе крики, когда-то слышанные мною на Явѣ.

«Ayer batu, Ayer batu» — кричалъ разносчикъ съ обнаженными почти до колѣнъ бронзовыми, смуглыми ногами, завернутыми въ пестрый Sarong, въ пиджакѣ изъ яркой матеріи, оставлявшемъ обнаженную грудь, и въ чалмѣ, не вполне закрывавшей шапочку, обыкновенно носимую на головѣ малайцами. Онъ продавалъ, какъ на Явѣ, плиточки искусственнаго льда, которымъ онъ охлаждалъ прохладительныя напитки — не тѣ лимонады изъ химическихъ препаратовъ, которыми отравляютъ свои желудки жители городовъ Закавказья въ жаркіе лѣтніе дни, но

воду съ сѣменами и сиропами разныхъ тропическихъ растений. Ее не всегда рискуютъ отвѣдать прїѣзжающіе на Яву европейцы,—но, разъ отвѣдавши, дѣлаются самыми ревностными ея поклонниками.

Столь же смуглый, какъ этотъ яванецъ, японецъ манилъ меня, стоя сзади него за прилавкомъ бамбуковыхъ издѣлій. Мысленно я перенесся въ Нагасаки. Какъ тамъ, цѣлая коллекція чудныхъ бамбуковыхъ тростей возвышалась сзади прилавка. Въ однѣхъ извивались, вырѣзанныя поразительно близко къ природѣ, красиво-окрашенные, змѣи, по другимъ, какъ бы выплывая изъ внутренности палки, извивались причудливые драконы. Третьи казались обвитыми изящными, усыпанными цвѣтами вьющимися растеніями. Трудно было повѣрить, что это простой отрѣзокъ бамбука. Только колѣнчатое строеніе палки, да ея круглая утолщенная, служащая ручкой головка, представляющая искусно срѣзанное основаніе бамбуковаго ствола съ началомъ отходящихъ отъ него корней, свидѣтельствовали о матеріалѣ, изъ котораго дѣлались эти трости. Это необыкновенно легкія, твердыя, прочныя и изящныя палки. У насъ въ Батумѣ не умѣютъ ни вырѣзать такимъ образомъ бамбуковые побѣги, ни украшать ихъ этой тонкой изящной рѣзбою. «Это привозныя?»—невольно спросилъ я у японца, стоявшаго за прилавкомъ. «Нѣтъ, это — съ Чаквы, — отвѣтилъ онъ мнѣ ломанымъ русскимъ языкомъ. Мы покупаемъ бамбукъ тамъ, но работаемъ здѣсь въ сосѣдству,» — сказалъ онъ мнѣ, показавъ на небольшой чисто японскій домикъ, возвышавшійся на сосѣднемъ пригоркѣ. «Купите парочку—всего 50 к. штука. За привозныя вы заплатите не менѣе 3—5 р. Или не выберете ли чего-нибудь изъ моего товара?» И онъ обратилъ мое вниманіе на безконечное разнообразіе бамбуковыхъ издѣлій, лежавшихъ въ его лавочкѣ. Тутъ были и бокалы для перьевъ, украшенные рѣзбою изъ перламутра, и изящная мелкая мебель и ширма, расписанная видами Японіи и Кавказа. Можно было выбрать съ Фузи-Ямою и съ Араратомъ. Можно было бы украсить стѣны комнаты — дать ей полную меблировку одними только этими бамбуковыми издѣліями. А на стѣнахъ висѣли модели бесѣдокъ, легкихъ домиковъ, мостовъ, водопроводовъ, даже аэроплановъ и т. п. сооружений, которыя за дешевую цѣну брался исполнять племянникъ торговца нѣкій Мароокосанъ—молодой японскій архитекторъ-механикъ, жившій въ одномъ съ нимъ домѣ. И, какъ въ Японіи, рядомъ съ этой лавочкой бамбуковыхъ издѣлій подъ парусиновымъ навѣсомъ, подъ сѣнью пальмъ, между двумя высокими

хамеропсами стояла цѣлая выставка той изящной, лакированной посуды, какую подъ именемъ «японщины» привозятъ цѣлыми кораблями изъ Іокогамы въ торговые города Европы. Тарелки и пепельницы, изящно лакированные шкафики и вазы, этажерки въ японскомъ и европейскоиъ стилѣ и масса предметовъ роскоши и домашняго обихода. «Обратите вниманіе,—говорилъ мнѣ торговецъ,—всѣ эти предметы сдѣланы изъ мѣстнаго лака. Какъ старинныя издѣлія, они тѣмъ существенно отличаются отъ отправляемыхъ изъ Японіи, что дѣлаются они не наскоро и не дубочно, а по заказу. Смотрите, что это за лакъ!» — и онъ бросилъ заженную спичку на хорошенькую чашечку, всю расписанную изображеніями лотосовъ и хризантемъ. «Она можетъ вся сгорѣть, не оставивъ и слѣда на поверхности. Теперь такого лака вы не найдете въ Японіи. Конечно, вы можете имѣть его лишь по заказу, и лишь осенью, когда деревья даютъ сборъ, можно дѣлать эти заказы. Обыкновенныя же издѣлія вы можете получить по той же цѣнѣ, что и у насъ въ Нагасаки». Но я уже не слушалъ его болѣе. Я поспѣшилъ впередъ по аллеѣ, гдѣ справа и слѣва возвышались будочки торговцевъ. Я видѣлъ китайцевъ, торговавшихъ тушью и бумагой, сдѣланной изъ бумажнаго дерева; далѣе виднѣлись мохнатыя дождевыя плащи изъ волоконъ пальмы хамеропсъ, съ которыми такъ недавно не знали что дѣлать батумцы, буквально варившіеся въ собственномъ поту при попыткѣ надѣть принятые въ Россіи резиновые плащи. Мнѣ за нѣсколько рублей продавали желтые непромокаемые плащи и зонтики изъ бумаги, пропитанной растительнымъ воскомъ, и тутъ же была свѣчная лавка, гдѣ свѣчи и восковыя фигуры были нагромождены высокими горами. Дальше виднѣлись вѣера и игрушки изъ пальмовыхъ листьевъ. Я подумалъ, что нахожусь на торговой улицѣ гдѣ-нибудь на Формозѣ, во ряды бѣлыхъ домиковъ, гостиницъ, съ которыхъ виднѣлся усаженный, какъ въ Іокогамѣ, соснами благоустроенный пляжъ, говорили мнѣ, что я на русскомъ курортѣ. Во то время какъ алѣю отъ бульвара, защищая основанія его роскошныхъ пальмъ отъ вѣтра, возвышались двухъэтажныя зданія гостиницъ, санаторій и купальныхъ учрежденій, вправо открывались панорамы роскошнаго тропическаго парка. Среди широкихъ зеленыхъ газоновъ виднѣлись группы высокихъ эвкалиптусовъ, круглыя купы сизыхъ, не сбрасывающихъ листья, акацій и разнообразныхъ деревьевъ, а за ними возвышались холмы съ крайне своеобразными, б. ч. дальне-восточнаго стили, постройками.

Украшенные сѣрымъ морскимъ гравіемъ, дорожки мѣняютъ по нимъ проѣхать. И для довершенія соблазна въ нѣсколькихъ мѣстахъ бульвара, около изящной турецкой кофейни—въ рощѣ тѣхъ, что много по Босфору, были устроены стоянки для маленькихъ, легкихъ автомобилей съ зонтиками, какъ у ялтинскихъ извозчиковъ. Ихъ зонтики были, однако, пропитаны воскомъ и сдѣланы непромокаемыми. Ими управляли не шоферы со странными наглазниками, но одѣтые въ русскія рубашки съ ямочками, съ павлиньими перьями, шапочками, парни. Вездѣ была выставлена такса. «Вамъ куда? — спросилъ меня дѣловито проводникъ-шофферъ, когда я занялъ мѣсто въ такомъ экипажѣ, — въ Америку, или въ Австралію, или, можетъ, сперва въ японскій храмъ, или въ чайный домикъ къ гейшамъ?» спросилъ онъ меня, лукаво улыбаясь. — «Въ Америку,» — скомандовалъ я не угадъ. Мы покатили по парку по блѣднозеленымъ газонамъ и понеслись среди рощъ магнолій къ болотистому берегу Чагана. Здѣсь ихъ смѣнилъ лѣсокъ такъ-называемыхъ болотныхъ кипарисовъ, этихъ *Taxodium*, съ листиками, нѣжными, какъ зеленые перышки, только-что развившимися послѣ зимняго покоя. По опушкамъ этихъ рощъ росли громадные колесовидные листья пальмы *Sabal Adansoni*; на сухомъ пригоркѣ возвышалась роща изъ сосенъ, съ удивительно длинною хвоею, а среди нихъ, по сѣню платановъ и тюльпанныхъ деревьевъ возвышалась обсаженная бананами хижина, населенная неграми. Ни дать, ни взять—уголокъ южной Виргиніи или Флориды изъ области такъ наз. *Dismal Swamps*. Я уже составлялъ въ умѣ англійскія фразы, что-бы заговорить съ этими чернокожими американцами—потомками обитателей «Хижины дяди Тома,» какъ, къ изумленію, въ числѣ чернокожихъ узналъ негра, котораго еще молодымъ человѣкомъ зналъ въ Батумѣ и когда-то приглашалъ поступить къ себѣ на службу въ Россію. Онъ меня узналъ также. «Что же вы здѣсь дѣлаете?» — спросилъ я его. «Да вотъ переселился сюда со всѣмъ семействомъ съ прежняго участка, торгуюмъ ликерами. Изъ здѣшнихъ тропическихъ фруктовъ изготовляемъ по образцу тѣхъ, что привозятъ изъ Ямайки, Кюрасао и Антильскихъ острововъ. Тутъ ихъ дѣлаютъ пріѣзжіе. Ты не говоришь по-русски — они играютъ негритянскія пьесы и изготовляютъ ликеры, я же съ братомъ торгую и служу переводчикомъ. Отъ посѣтителей не отобьешься. Все больше морскихъ военные; говорятъ, что у насъ не хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ они плавали». Но я не сталъ дальше останавливаться у негра и скомандовалъ ѣхать въ Австралію. Мы опять помчались по парку.

и я замѣтилъ, что постепенно листопадныя деревья Америки, различныя породы дубовъ и ясеней смѣнились группами эвкалиптовъ съ ихъ сѣрой, грубой, поникшей листвою. Какъ громадныя ивы развѣсили свои, усыпанные пушистыми желтыми шариками развивающихся круглый годъ цвѣтовъ, плакучія акаціи. Травяныя деревья стали попадаться вмѣсто пальмъ по окраинамъ дорогъ, среди нихъ бѣгали ручныя кенгуру; на холмѣ возвышалась группа араукарій, тѣхъ самыхъ *Araucaria Bidwilli* и *excelsa*, орѣхи которыхъ, какъ говорятъ, развивали у туземцевъ страсть къ людоедству. «Что же,—спросилъ я моего возницу,—есть здѣсь и австралійцы?» «Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но недавно изъ Новой Гвиней привезли первобытнаго человѣка. Хотите, посмотримъ, только туда конецъ дальній,—надо проѣхать черезъ Китай, Японію, Гималаи и Чили, придется прибавить полтинничекъ».

— «Ладно, ступай, только показывай, что по дорогѣ есть интереснаго».

Мой возница повернулъ свой автомобиль къ холмамъ, и вскорѣ мы очутились у подножія большой бетонной лѣстницы, которая, обставленная каменными фигурами, вела къ вершинѣ горы. На горѣ возвышалась причудливая постройка съ изогнутой кровлею, изъ бѣлой фарфоровой черепицы. Я увидѣлъ передъ собою копію одного изъ буддійскихъ храмовъ, когда-то посѣщаемыхъ мною въ окрестностяхъ Кіото. Какъ тамъ, густая темная роща японскихъ криптомерій обрамляла храмъ со всѣхъ сторонъ. По обѣ стороны лѣстницы возвышались необыкновенно красивыя зонтичныя ели и саговики Японіи. Самый храмъ — одна изъ изящнѣйшихъ построекъ Японіи, въ родѣ храма Іейасу, мнѣ казалась постройкой баснословной цѣнности. Пока я недоумѣвалъ, какимъ образомъ это дорогое зданіе страны Восходящаго Солнца могло очутиться въ странѣ побѣжденныхъ, на берегахъ Чернаго моря, мнѣ вышелъ навстрѣчу знакомый мнѣ проводникъ — японецъ Танаке и вывелъ меня изъ недоумѣнія. «Не правда ли, прекрасное зданіе,» сказалъ онъ». И обошлось оно въ грошъ. «Какъ, вскричалъ я. — Да, вѣдь, оригиналу нѣтъ цѣны!» — «Да, оригиналу, замѣтилъ Танаке. Но здѣсь вмѣсто гранита—бетонъ и вмѣсто дорогой рѣзбы на деревѣ знаменитыхъ рѣзчиковъ древней Японіи, гипсовые раскрашенные слѣпки». — «Но эффектъ, вѣдь, тотъ же»,—замѣтилъ я. «Да, тотъ», сказалъ Танаке. «И мои соотечественники долго не хотѣли позволить воспроизводить этого храма въ Россіи, но уступили лишь потому, что имъ общали, что это зданіе и будетъ служить

храмомъ для здѣшнихъ буддистовъ, которыхъ здѣсь болѣе десяти, если принять во вниманіе всѣхъ этихъ мастеровыхъ и торговцевъ лаковыми, бумажными и бамбуковыми издѣліями, садовниковъ и рестораторовъ, живущихъ вокругъ. Вѣдь, здѣсь цѣлое поселеніе». И онъ указалъ на характерные японскіе бамбуковые домики, разбросанные у подножія горы, тонущіе въ зелени разрѣзныхъ японскихъ кленовъ, красиво цвѣтущихъ розовыми цвѣтами сливъ. Эти домики изъ бамбука, съ ихъ раздвижными бумажными стѣнами, съ проходами, увитыми глициніями, съ причудливыми сосенками передъ входомъ давали полную иллюзію японской деревушки. — «Не правда ли, здѣсь настоящій Ниппонъ?» спросилъ меня Танаке. — «Да, отвѣтилъ я. Недостаётъ только чайнаго домика, джинерикшъ». — Первый есть, вторые же выводятся теперь и у насъ». «И много буддистовъ посѣщаетъ вашъ храмъ?» «Есть нѣсколько сингалезъ и тибетцевъ, сказалъ Танаке, японцы же больше посѣщаютъ чайную. Не хотите ли взглянуть?» И онъ повелъ меня по проходу къ домику японскаго типа, передъ которымъ, какъ гдѣ-нибудь въ Токио, открывался видъ на маленькій садикъ съ карликовыми деревьями, группами цвѣтущихъ азалій около крошечнаго прудика, гдѣ виднѣлись любимые японцами, похожіе на нашу мать и мачеху, листья *Farfugium grande*. Нѣсколько одѣтыхъ въ японскія кимоно японокъ предложили намъ чаю. «Этотъ чай готовится изъ мѣстнаго куста по японскому способу, сказалъ Танаке, и мало уступаетъ нашему. Отвѣдайте». Но прислугѣ было не до насъ. Масса посѣтителей наводнила ресторанъ. Всѣмъ хотѣлось посидѣть на полу, попробовать знаменитаго японскаго сакэ, и испытать свое умѣніе палочками съѣсть на-скоро приготовленное «скіаки». Постоянно просили «гейшъ» спѣть что-нибудь или сыграть на струнныхъ инструментахъ страны Восходящаго Солнца. Но мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстно, что настоящія гейши не поѣдутъ за нѣсколько тысячъ верстъ въ Россію, а публика, не понимая толку въ японской музыкѣ, приходила въ восторгъ лишь тогда, когда ей декламировали на ломанномъ русскомъ языкѣ:

За красу я получила первый призъ,
Всѣ мужчины уважаютъ мой капризъ!

И я поспѣшилъ ѣхать дальше. Танаке меня сопровождалъ. Мы проѣхали отдѣлъ чилійскій и мексиканскій съ его агавами и юкками, посмотрѣли отдѣлъ Новой Зеландіи съ лѣсами тѣхъ допотопныхъ растений, которыя съ трудомъ разводятся въ

оранжереяхъ Европы, и достигли, наконецъ, хижины на высокихъ сваяхъ, гдѣ сидѣла семья съ большой трудностью доставленныхъ ново-гвинейскихъ карликовъ съ горъ, которыхъ изучали, какъ рѣдкій антропологическій объектъ, нѣсколько специально для этого пріѣхавшихъ изъ-за границы нѣмецкихъ профессоровъ. Карлики эти мрутъ въ климатѣ Европы, здѣшній же переносятъ превосходно. Приходится наблюдать за ними здѣсь. Вообще вся эта часть парка представляетъ научное отдѣленіе. Та плата, которая берется за входъ, дѣлится на двѣ части: одна идетъ на поддержаніе парка въ порядкѣ, другая—на научный отдѣлъ. Здѣсь разводятся и приучаются къ климату новые сорта растений, совершенствуются старые. Это — опытная станція и научный садъ. Для осмотра его требуется особое разрѣшеніе.

Да и теперь уже поздно, вечерѣетъ. Вы еще, полагаю, не ѣли. Поѣдьте въ ближайшій китайскій ресторанъ. Его курьезы особенно охотно посѣщаетъ публика, чтобы познакомиться со своеобразною кухнею Небесной Имперіи. Мы поднялись на вершину холма. Съ него открывается обширный видъ на бамбуковыя и апельсиновыя плантаціи удѣльнаго вѣдомства. Болѣе 4 десятинъ мандариновъ стояли покрытыя цвѣтами. Воздухъ былъ напитанъ ихъ ароматомъ. Съ широкаго балкона ресторана открывался дивный видъ на море. Солнце уже зашло. Тысячи свѣтлячковъ, какъ гдѣ-нибудь на Цейлонѣ, наполняли огненными точками воздухъ, кружась около деревьевъ. Причудливой формы фонари ресторана освѣщали поверхность пруда, среди котораго красовались крупные розовые цвѣты священнаго лотоса. Намъ подали карточку. Это все были своеобразныя блюда китайской кухни, приуроченныя, однако, къ европейскому вкусу и приготовленныя изъ мѣстныхъ продуктовъ. Молодые ростки бамбука подъ бѣлымъ спаржевымъ соусомъ. Молодые люффы, батумскія лягушки по англо-французскому способу. Салатъ изъ папоротника. Яйца, разложившіяся и получившія вкусъ сыра. Супъ изъ плавниковъ акулы. Компотъ изъ лотосовъ и сушеной хурмы, сладкій картофель или бататы съ улитками и т. д., и т. д. Китайская водка и ликеры подавались въ изобиліи горячіе. Кругомъ слышится смѣхъ публики, не справлявшейся палочками съ новаго вида кушаньями невиннаго состава, но страшныхъ по внѣшности. Обѣдали компаніи туристовъ, пріѣхавшихъ изъ Гагръ. Молодой офицеръ флота увѣрялъ, что не надо дѣлать кругосвѣтнаго путешествія — все можно видѣть въ Батумѣ. Та-

наке угощаль меня ликеромъ за ликеромъ. Отъ непривычныхъ кушаній мнѣ стало дурно... и я проснулся. Была мертвая зыбь. Мы были на траверзѣ сочинскаго маяка. Пароходъ былъ переполненъ страдавшей отъ качки публикой. Отвратительная дѣйствительность со всѣхъ сторонъ. Все видѣнное было только сонъ. Да, читатель, сонъ. Но каждая строка этого сна можетъ стать дѣйствительностью и не позже, чѣмъ черезъ какія-нибудь восемь лѣтъ, при нѣкоторомъ желаніи и весьма небольшихъ затратахъ.
